БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА

А. ГЕРАСИМОВ.

ПЕРВЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ БРОНЕНОСЕЦ

НОВАЯ МОСКВА

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ МК РЛКСМ

„Беседы старого революционера" под редакцией Истпартотдела М. К. Р. К. П. (б.)

А. ГЕРАСИМОВ

ПЕРВЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ БРОНЕНОСЕЦ

НОВАЯ МОСКВА
1925 г.

Отпечатано в типо-хромо-лито-
графии „Искра Революции“
Мосполиграф. Москва, Арбат,
Филипповский пер., 11.
Тираж 15.000.
Мосгублит № 30.838.

Жить в потемках мы устали,
Мы проснулись, мы восстали,
Слишком долго боя ждали,
Жаждем жизни молодой...
. . . .
Больше дерзости святой!..
Ошибайтесь — но дерзайте,
Пролетит веков гряда. —
Только то, что силой взято,
Будет живо, будет свято,
Будет свято навсегда.

Е. Тарасов. „Дерзости слава“.

ЗАГОВОР.

Хороши, чарующе хороши летние ночи в Крыму.

Теплые, тихие, ароматные, ласкающие ночи. С яркими южными звездами, с бодрым рокотом моря.

Не умолкая шумит оно вокруг старого Севастополя, у его много переживших твердынь, шепчет что-то в широкой бухте-стоянке царского флота.

Хороша эта теплая, кроткая июньская ночь.

Слиться с ней, отдыхать душой... Задуматься под немолчную музыку волн.

Но что-то странное творится совсем близко от Севастополя на Инкерманской дороге.

Одна за другой двигаются в ночной темноте человеческие фигуры, все в одном направлении.

По одному, редко по двое.

Озираясь, крадучись, идут эти люди.

По пути встречают они недвижно стоящего человека, подходят к нему, быстро обмениваются двумя — тремя словами и увереней идут дальше.. К развалинам старого, забытого монастыря.

А там, среди немых развалин, собралась уже небольшая кучка людей, пока безмолвных, чего-то ждущих.

Кто они, зачем собрались?

Летит время, собрание растет. И слышен тихий, сдержанный разговор, радостные приветствия.

Но вот на белеющем в темноте камне развалин появляется статная фигура.

Мгновение — воцаряется тишина и слышится речь.

— Товарищи, матросы! Насколько знаю, все делегаты собрались, откроем собрание!

Так вот кто они!...

Да, это военморы, матросы Черноморского флота — выборные со всех крупнейших кораблей, что стоят на рейде у Севастополя.

Взойдет луна, заглянет в развалины монастыря и заблестят на матросских безкозырках названия броненосцев „Ростислав“, „Синоп“, „Екатерина II“ „Князь Потемкин Таврический“, „Георгий Победоносец“.

Насторожившись, слушают матросы речь открывшего собрание товарища.

Он говорит о „решающем 1905 годе, который мы переживаем“, о зверской бойне 9 января, о проклятой, позорной для царского правительства, русско-японской войне, положившей тысячи братьев в могилу и тысячи на век искалечившей; говорит о грабительстве, произволе и звериной расправе морского начальства... И призывает во имя блага всего порабощенного народа исполнить назревшее решение — оно не раз уже обсуждалось — поднять знамя вооруженного восстания....

— Сообща, по общему уговору, товарищи! Но не откладывая в долгий ящик, пока нас не открыли!

Слово предоставляется делегатам команды броненосцев, и одна за другой льются в тиши южной ночи простые, бесхитростные, но страстные, горячие, сверкающие гневом речи.

И больше всего останавливаются на самом близком, больном—на тяжелой матросской доле.

Везде она одинакова — от Ледовитого Океана до Черного моря.

— Нас, товарищи, наравне с собаками ставят!— говорит, волнуясь, один из делегатов, недавно переброшенный из Владивостока в Черноморскую эскадру,

— Вы знаете, у нас во Владивостоке расклеено было повсюду об‘явление, что вход в общественный сад „собакам и нижним чинам“, значит, и нам, матросам, воспрещается.

— Ну и у нас—подхватывает моряк-севастополец—не лучше... Пожалуй, даже хуже вашего: видали вы последний приказ главного нашего адмирала Чухнина:

„Под страхом тюрьмы запрещается в Севастополе матросам ходить по бульвару, по главной улице и двум аллеям!

— Что же это такое?..

А как охочи господа начальники всякого рода на кулачную расправу!

Об этом говорит, весь горя гневом, уполномоченный с броненосца „Екатерина II-я", видимо, сильно распропагандированного... самим начальством...

— Вот какой „спектакль" устроил недавно один морской офицер, даром-что из невысоких чинов... Встретил у графской пристани молоденького матроса и спрашивает:

„Отвечай, — как меня зовут?"

„Не знаю, Ваше благородие!"

„А не знаешь, так сейчас представлюсь".

— И в ту же минуту изо всей силы хвать кулаком по уху. Раз, другой, да так, что барабанная перепонка лопнула!..

— А он, матрос, молчи! Стой на вытяжку!..

Волна гневного ропота пробежала по собранию.

— А как они муштруют нас, какие наказания придумывают за малейшее, что против правил, а особенно за „политику".

— Сами знаете, братцы, у кого увидят в руках книжку, хоть бы и разрешенную царской

цензурой, да не проверенную начальством — самое жестокое наказание... Оставайся без отпуска! Ступай на несколько дней в карцер, стой 30 часов под ружьем. А то еще подлее: стоять под ружьем с грузом на шее, песок там или кирпичи в полтора пуда весом.

— Да мало того, — продолжал матрос с „Екатерины II“, — что так измываются над нами, — тиранят, калечат нас, последнее отнимают, на глазах грабят казенное содержание, впроголодь держат.

— Не борщ ведь, а помои дают!..

— Да и на берегу в казармах покою на минуту не дают, сами знаете: шпионами окружены, офицеры служак старых учат, чтобы следили за нами.

— Нет сил терпеть, братцы, надо подняться нам, сбросить со своей шеи эту сволочь!

— Показать пример берегу, солдатам, — им, ведь, не лучше нас! Мы, с „Екатерины II-й“ готовы! Решайте — первые начнем. У нас план даже выработан — как начинать: во время обеда бросить в кают-кампанию, где будет все офицерье, бомбу... И тут же красный флаг выше всех — сигнал всей эскадре.

— Готовьтесь, братцы, ждать больше нельзя.

Выступали делегаты других броненосцев, крейсеров — члены социал-демократической партии, давно уже работавшие в Черноморском флоте, посеявшие семена революционной пропаганды на всех почти судах эскадры.

Кратки, но четки, выразительны были их речи.

И все говорили об одном: нельзя больше терпеть; надо поднять восстание, требовать прекращения войны, надо свергнуть самодержавие, сменить его республикой.

Одним из последних говорил матрос, представитель броненосца „Князь Потемкин Таврический", имя которого потом волею судеб прогремело на весь мир.

Делегат с „Потемкина", только-что оборудованного, мощного броненосца, заполненного молодняком — матросами-новобранцами, нарисовал жуткую картину муштры, подкрепляемой рукоприкладством и издевательством; это все старание командира Голикова и его ревностного помощника — старшего офицера Гиляровского.

Воистину „дышать не смели" на новом броненосце, носившем на своем борту более 700 „нижних чинов" матросов.

— Знаете ли вы, братцы, какой трепет навел наш командир Голиков на команду? На глаза ему боятся попасть, когда в казармах живем мы. Ставят ребята дежурных во дворе, и вот следят они, как пойдет командир из своего флигеля в казармы— через парадный или черный ход. И кричат нам: „туча с парадного" или „с черного туча идет". Ну и спасаешься от него. Изводит он нас штрафами, карцерами, отсадкой без отпуска, — а ведь это хуже всего. И название ему у нас одно — „чорт". Подстать командиру и другая зверюга — старший офицер. Этот совсем забил наших моло-

дых матросов... Муштрует с утра до ночи, ко всякому пустяку придирается и сейчас взыскание, а то и мордобитие. Если, как списывают на берег, единое пятнышко на куртке увидит, сейчас кулаком на-отмашь и без отпуска.

— А уж о том, чтобы книжкой заняться или газету почитать, думать не смей. Вполне согласен я с теми,—закончил оратор-потемкинец,— кто говорил за общее восстание. Давно пора!.. Только помнить, братцы, надо,—не дрогнуть! Всем грудью за свободу встать, тиранов не щадить, но и самим смерти не бояться, напролом итти... На то и моряки мы...

— Верно, Матюшенко, сказал ты!.. прозвучал в тишине чей-то голос.

А Матюшенко небольшого роста, молодой еще, коренастый матрос, с простым, открытым, „мужицким" лицом, махнул призывно рукой, сошел с трибуны-камня и смешался с группой.

Последним взял слово представитель Севастопольского Комитета Социал-Демократической партии.

Его, деятельного, серьезного, подпольного работника, знали уже многие делегаты и слушали, сгрудившись у камня, внимательно, в глубоком молчании.

Четкие итоги всего вышесказанного подвел он в своей речи, связывая грабительство, произвол, мракобесие и подлое насилие в эскадре с всероссийским царско-палаческим гнетом. От имени пар-

тии призывал он совершить задуманное—революцию на море и предостерегал лишь от одной „роковой ошибки“,—не действовать разрозненно, а ждать общего сигнала.

— Товарищи! —говорит комитетчик,—Черноморская эскадра, под красным флагом, в руках сознательных революционеров-матросов—это большая сила, а каждый в отдельности броненосец, не поддержанный другими, лишенный связи с берегом, продержится недолго.

Он убеждал готовиться, всячески расширять в командах пропаганду и ждать условного часа.

И приводил пример из недавнего прошлого Севастополя,—как безнадежны отдельные бунты моряков.

Напомнил разгром казарм флотского экипажа минувшей зимой—вспышка матросов, запертых под замок без отпуска.

Что она дала? Сломанные ворота и несколько разгромленных офицерских квартир. А затем? 8 „зачинщиков“ в каторжные работы сроком до 12 лет, а остальные разбросаны на разные броненосцы под строгий надзор.

— Вот,—закончил оратор,—недавно с „Потемкина“ письмом просили комитет партии дать сигнал к общему восстанию, не ожидая конца предстоящих маневров эскадры—им трудно ждать. Но комитет партии, посоветовавшись с Центральным Комитетом Революционного Совета матросов, решил—и настаивает на этом—ждать конца маневров,

когда вся эскадра, в том числе „Потемкин", будет собрана во-едино. Тогда будет дан сигнал к общему восстанию... До времени затаите, товарищи, свое негодование...

Прозвучали последние слова. Стали расходиться.

По прежнему по-одиночке, не больше, как вдвоем, осведомляясь у патруля—свободна ли дорога.

Без слов крепко жали друг другу руки и шли к ненавистным казармам.

А сытый, барствующий Севастополь еще не спал, горел огнями, гремел музыкой.

В крепком раздумьи, опустив голову на грудь, шел делегат „Потемкина" Афанасий Матюшенко мимо Приморского бульвара, днем и ночью закрытого для „матросни".

Из открытых окон роскошного, ярко освещенного морского собрания неслись звуки музыки,— „свои" же музыканты-матросы увеселяли господ-офицеров! Мелькали силуэты „кавалеров и дам", доносились пьяные крики.

Сумрачно посмотрел в их сторону недавний Харьковский землероб Матюшенко... Непримиримой злобой исказилось его лицо и крепко сжатым кулаком погрозил он в сторону пирующей компании.

— Погодите, сволочи!.. Недолго вам царствовать!...

„ПОТЕМКИН“ НЕ ДОЖДАЛСЯ!

Да, он не дождался, как было условлено, сигнала общего восстания, начал первый и этим предрешена была дальнейшая судьба первого революционного броненосца и первого вооруженного восстания в русском флоте.

Как же это случилось?

13 июня (по старому стилю) 1905 года „Кн. Потемкин Таврический“ был отправлен из Севастополя в море, в бухту острова Тендра, для пробной пристрелки только-что поставленных на броненосце орудий.

А их было разного калибра всего 70—громадная боевая сила, равная сухопутной дивизии—16000 вооруженных солдат.

И вот эта грозная плавучая крепость—сильнейший из броненосцов черноморской эскадры на время был отделен от нее.

Утром 14-го (27-го) июня, когда шла обычная уборка броненосца-гиганта, матросы заметили, что приготовленное к обеду мясо—тухлое, с червями. Весть эта облетела всю команду, закипело негододование и „от искры загорелось пламя“.

— Подлецы офицеры, не желают знать, чем нас кормят!

— Доктора позвать—пусть за борт выбросит мясо с червями!

— Не будем его есть!—неслись отовсюду восклицания.

Явился старший врач и, как следовало ожидать, нашел, что мясо отличное:

— Избалована команда. Смыть только червей водой, и прекрасный борщ будет!

Тут подоспел и ненавистный командир и в два счета распорядился:

— Готовить обед, а кто будет мясо рассматривать, записывать поименно, а потом мне доложить.

Еще больше забурлила команда, хотя почти сплошь это был молодняк.

— Что-же это такое? Как тут служить, коли в Японии с нашими пленными лучше обращаются?

Просвистела дудка-сигнал: „к вину“ и „обедать“.

Но обедать никто не пошел, ни один не двинулся.

Моментально докладывают командиру Голикову, и он, вместе со старшим офицером Гиляровским, поспешил „водворить порядок“.

— Почему не едите борщ? Как смеете, мерзавцы?

И в ответ командиру из густой толпы:

— Ешь сам!.. А мы будем хлеб с водой!..

— Надо усмирить,—решает бравый командир и готовит... бунт.

Всю команду „Потемкина“—более 700 человек вызывают на верх, приказывают стать во фронт. Перед фронтом бравый командир. Держит речь задорную, вызывающую:

— Я не раз говорил вам, что такие беспорядки на военном корабле недопустимы! За это ваш ге-

брата вон там вешают!—и Голиков указывает на верхушку мачты.

И грозный приказ:

— Кто хочет есть борщ, выходи сюда.

Но из строя выходят лишь заядлые службисты-кондуктора, боцманы.

Масса замерла.

Тогда гремит новая команда:

— Караул—на верх.

И против неподвижно стоящей команды выстраивается караул с винтовками.

Еще мгновенье и команда, спасаясь от грозящего расстрела, толпой перебегает в сторону, к башне броненосца.

— Стой, стой! Довольно,—кричит старший офицер и с другими офицерами заграждает путь не успевшим перебежать.

Их всего 30—40 человек.

Караул с ружьями окружает их.

Минута страшного молчания... Его разрезает зычный крик старшего офицера:

— Боцман—брезент сюда.

Сгрудившаяся у башни команда цепенеет. Бледные, подернутые ужасом лица. Матросы знают, что значит этот приказ: брезентом накроют товарищей и сквозь просмоленный чехол расстреляют.

И вдруг отчаянный, от сердца идущий крик—в сторону караула:

— Братцы, что вы делаете? Помните нашу клятву в своих не стрелять!

Это матрос Матюшенко, выбежавший вперед, крикнул.

И караул, как один человек, опустил винтовки дулом вниз.

Это значило—не будем стрелять!

А Матюшенко с новой силой:

— Братцы, не оставим своих товарищей! Разбирай винтовки, набирай патроны... Бей хамов...

И чудо совершилось: нет рабов, нет „серой скотины", нет страха и тупого молчания.

Рассыпались по броненосцу матросы, разобрали винтовки, освободили арестованных, отбросили начальство.

— Ур-ра!—гремит на „Потемкине" и несутся крики:

— Да здравствует свобода!

— Долой произвол! Долой самодержавие!

— Смерть тиранам!

И гремят выстрелы.

За минуту перед тем всесильное начальство пытается усмирить восставших и расплачивается жизнью.

Командир „Потемкина" набрасывается на Матюшенко.

— Негодяй! Поставь ружье.

И слышит в ответ:

— Тогда я брошу ружье, когда буду трупом... Уходи с корабля, это корабль народа, не твой!..

Восстание разгорается...

От выстрела из револьвера старшего офицера Гиляровского падает матрос Вакуленчук.

Это видит подбежавший Матюшенко, и его пуля настигает спасающегося бегством офицера—мордобойца.

Другого „героя“—лейтенанта Тона, не менее ненавистного команде, встречают криком:

— За борт его!

Чуя в Матюшенке вожака бунта, Тон идет на подлую уловку.

— Матюшенко! Я хочу с тобой поговорить!— бросает он ему.

— Прошу, ребята, отойдите!—говорит Матюшенко товарищам и отходит с Тоном к броневой башне.

А тот стреляет в доверившегося ему матроса из револьвера. Промахнулся и легко ранил одного из вдали стоящих. В следующее мгновенье залп матросов—и лейтенанта Тона нет.

Один за другим посылают залпы в море по тем офицерам, которые, спасаясь, как крысы с тонущего корабля, плывут к сопровождающему „Потемкина“ миноносцу.

Кое-кто из них доплывает до миноносца и они, снявшись с якоря, спешат с доносом в Севастополь.

Но два-три выстрела из 75 миллиметровых орудий „Потемкина“ останавливают миноносец № 276.

А на броненосце решается судьба командира Голикова...

Чувствуя, что час расплаты настал, он выползает из адмиральской каюты на палубу, бросается перед матросом Матюшенкой на колени, кается, молит его о прощении.

— Это дело команды, — как они?

Но 700 человек команды отлично помнят все гнусности грозы-командира и недавнюю угрозу повесить.

— Он нас мачтой пугал! — кричат в упор Голикову, — так на мачту его!

— Чего там возиться — пулю в лоб!

Раздается залп, а затем... труп командира летит за борт.

Туда же раньше отправлены трупы еще пяти офицеров и старшего врача, рекомендовавшего есть мясо с червями.

Ярким, широким пламенем вспыхнула накопившаяся днями и месяцами злоба-ненависть матросов.

— Всех их за борт!... кричат они навстречу офицерам с миноносца, пытавшимся бежать в Севастополь.

Но чей-то твердый, спокойный голос меняет настроение.

— Довольно крови! Ведь, корабль теперь в наших руках — эти твари нам не опасны.

— Давайте воды, — обмоем палубу. И закипела работа на завоеванном броненосце: окачивают палубу водой, разводят пары, готовятся к отплытию и снаряжают „Потемкина Тавриче-

ского“ по-боевому,—ведь, надо ждать встречи с эскадрой.

Все на местах, вся власть в руках новых хозяев могучего броненосца—команды.

А прежние хозяева—офицеры, всего 12 человек, отведены под арест.

Некоторых из них, выделившихся хорошими, человеческими отношениями к матросам, в минуту общей паники спасавшихся вплавь, команда просила вернуться:

— Мы вас не тронем!...

Между этими немногими был судовой механик Коваленко, всей душой примкнувший к восставшим.

Быстро наладилась дисциплина—судно готово к походу.

На „Потемкине“ взвился — выше казенного Андреевского флага—красный флаг и затрепетал в небе.

Под красным знаменем вышел революционный броненосец в море—в Одессу.

НА РЕЙДЕ ОДЕССЫ.

А в Одессе уже более месяца шла упорная борьба пролетариата с капиталом—рабочая забастовка.

И не мудрено, что прибытие вечером 14 июня „Князя Потемкина Таврического“ с его грозными

орудиями под красным флагом вызвало надежду и горячие приветствия бастующих рабочих.

А вольный броненосец, остановившийся на рейде Одессы, жил новой революционной жизнью.

По дороге в Одессу выбрали свой командный состав, командиром броненосца поставили под своим контролем мичмана Алексеева.

А для управления всеми делами красного броненосца выбрали особую судовую комиссию—своего рода Исполком команды „Потемкина“.

Заседания комиссии об‘явили гласными.

По 150-200 человек собиралось на открытые заседания Революционного Комитета, и с горячим интересом слушали матросы речи своих выборных.

Вся рабочая Одесса, а с ней и обыватели, от мала до велика, устремлялись к „Потемкину“, гордо возвышающемуся на голубой глади моря.

С раннего утра 15 июня сотни лодок, яхт, шлюпок, переполненных народом, мчались к гиганту броненосцу с развевающимся в вышине красным флагом.

Пытались наведаться к „Потемкину“ и другие „гости“ из Одессы — начальство всякого рода, но с позором должны были возвратиться вспять, не доплыв до красного броненосца.

Поплыл было к „Потемкину“ военный катер с начальником Одесского порта, но навстречу ему

на палубе броненосца выстроился караул, взявший винтовки на изготовку... Ясно без слов...

— Пожалуйте обратно.

Еще хуже был другой „поход“ катера с судебными властями и жандармерией. Допустив этот катер на некоторое расстояние, потемкинцы, наведя на новых „гостей“ заряженные винтовки, скомандовали остановиться, а затем — бросить в воду сначала шапки, потом револьверы.

„Синие мундиры“ поспешно побросали все свое оружие в море, и тогда с „Потемкина“ последовала грозная, вместе с тем насмешливая команда:

— А теперь — кругом марш!

И под дружный хохот и свист матросов и рабочих жандармский катер, повернув обратно, поплелся к Одессе.

После этого никто из царских холопов не решился нанести визит „Потемкину“.

А сила и мощь его чувствовались так, что вскоре капитаны казенных и частных пароходов, в том числе и иностранных, просили у „Потемкина“ разрешения выйти из порта в море.

Самыми отзывчивыми и самыми дорогими гостями революционного броненосца были рабочие.

Чем только были в силах, старались они выразить свои симпатии и оказать поддержку потемкинцам.

И, на ряду с сочувствующими горожанами-обывателями, они, истощенные месячной забастовкой и неравной борьбой, сами обрекшие себя на го-

лодовку, везли потемкинцам полные лодки муки, хлеба, овощей, фруктов.

Начали было ...

...юрт „Потемкина“
...ержку показали
...онеры: ни одной
... и привозившим

...пить — свободу

...или потемкинцы
...вани пароход—

... и для „Потем-

...ка между гроз-
... и темным не-
...сеянным рабо-

...!
...ссия!
...сь восставшие
...елились друг
... своими пере-

...вка рабочих
... городе оста-

на палубе броненосца выстроился караул, взявший винтовки на изготовку... Ясно без слов...

— Пожалуйте обратно

Еще хуже был

ными властями и

катер на некоторое

на новых „гостей“

довали остановить

сначала шапки, по

„Синие мундир

оружие в море, и

грозная, вместе с

— А теперь —

И под дружн

бочих жандармсı

плелся к Одессе.

После этого

шился нанести

А сила и м

вскоре капитан

в том числе и

кина“ разрешен

Самыми отз

стями революц

Чем только

зить свои сим

темкинцам.

И, на ряду

вателями, они

и неравной б

лодовку, везли потемкинцам полные лодки муки, хлеба, овощей, фруктов.

Начали было привозить на борт „Потемкина“ и водку, но удивительную выдержку показали тут первые матросы — революционеры: ни одной бутылки водки не приняли они и привозившим ее говорили:

— Не водку надо нам теперь пить — свободу завоевывать.

Зато бурей приветствия встретили потемкинцы подплывающий к броненосцу из гавани пароход— угольщик.

На нем одесские рабочие везли для „Потемкина“ десять тысяч пудов угля.

И радостная, могучая перекличка между грозным броненосцем — революционером и темным неказистым пароходом-угольщиком, усеянным рабочими, понеслась над морем.

— Да здравствует „Потемкин!“

— Да здвавствует рабочий народ!

— Да вздравствует свободная Россия!

Как братья по оружию встретились восставшие матросы и бастующие рабочие и поделились друг с другом рассказами о своей борьбе, своими переживаниями, своими надеждами.

И было о чем порассказать!

К приходу „Потемкина“ забастовка рабочих переходила во всеобщую. Жизнь в городе останавливалась.

К рабочим Одессы готовы были пристать и уже двинулись в поход — каменоломщики, работавшие в окрестностях города.

А одесситы не отступая, все уплотняли свои ряды, боролись, насколько хватало сил, с полицией и казаками, с остервенением рубившими забастовщиков шашками и расстреливавшими их залпами.

По улицам Одессы двигались внушительные, до 2000 человек, процессии рабочих, строились накануне прихода „Потемкина" баррикады...

И падали убитые, насчитывались десятками раненые.

Шашки, нагайки и пули не щадили детей и подростков, девочек и мальчиков из рабочих кварталов.

А они, дети пролетариата, являли редкую сознательность и незабываемый героизм.

Помогали взрослым, отцам и братьям, строить баррикады и погибали на них. И звали товарищей на подвиг.

— Разве мы, дети трудящихся, — обращался к товарищам 13-летний мальчик, — разве мы не переносили ту же нищету, ту же голодную жизнь, что и наши отцы и матери? Разве нас не выбросят на улицу, когда выжмут все соки? Нас, детей, угнетают еще больше: мы беззащитны... И когда наши отцы выходят на улицы и умирают, мы тоже должны бороться. Не будем жалеть жизни!..

Слезы навертывались на глазах рабочих и женщин-работниц от этой речи 13-летнего мальчугана.

Хотя и мало было пока в Одессе войск и между ними оказались „ненадежные части", все же не по силам была борьба рабочим с полицией и военщиной.

Они напрягали последние силы, изнемогали.

И вот в эту критическую минуту на рейде Одессы стал „Потемкин".

Все упования, все надежды, все планы связывались с ним, особенно с того момента, как судовый комитет принял в свой состав делегатов Одесской социал-демократической организации — т.т. Кирилла и Фельдмана. Горячо приветствовали их революционеры — потемкинцы.

И тут же постановили оповестить о восстании на „Потемкине" Одесскую социал-демократическую организацию, просить ее содействия, а через Севастопольский комитет Российской социал-демократической партии немедля известить все суда Черноморского флота о том, что „мы начали".

Большая грозная сила оказалась на стороне пролетариата Одессы с приходом „Потемкина".

Его красный флаг служил как бы сигналом — продолжать борьбу.

И забастовала вся кипучая Одесса.

Хорошие, бодрящие вести пришли оттуда, откуда трудно было их ждать: на борту „Потемкина" побывали солдаты — делегаты одесской военной организации и сказали потемкинцам:

— Мы вам, братцы, дадим поддержку на берегу. Не станем больше убивать крестьян и рабочих.

— Не будем и в вас стрелять, если придете брать город!..

Начальство растерялось... До высшей точки поднялась революционная волна. Все ждало единения, крепкой смычки моря с берегом и решительного удара.

Но... его не было, решительный момент был упущен.

Отчего?

Не забудем — это был только 1905 год, год „генеральной репетиции" российской революции.

Первой революции на море не хватало закаленности и опыта у поднявшего красное знамя пролетариата, не было своего Ленина — мощного, решительного руководителя восстания.

Врасплох застало оно об'единенную революционную организацию Одессы, где в эту минуту — минуту решительных действий — возник раскол, и время шло на споры — как быть с „Потемкиным", что делать на берегу...

Строились разные планы: вооружить рабочих винтовками с „Потемкина" и взять город...

Просить потемкинцев высадить на берег значительный десант и, совместно с рабочими, овладеть Одессой, а там — и всем Черноморским побережьем, где шли земельные волнения.

Но ни один из этих планов не был широко раз'яснен команде красного броненосца, ни один план не нашел решительного исполнителя.

От высадки десанта, хотя бы в 200—300 человек, потемкинцы, не зная сил „берега“, отказались.

Они, ведь, поднявшие восстание в одиночку, ждали эскадру и, возможно, смертного боя.

И высадка десанта с броненосца, этой „плавучей крепости“, ослабила бы его.

Слышал предложение о высадке десанта и передовой боец „Потемкина“ Матюшенко и промолвил:

— Нам нечего сейчас глядеть на берег, — мы должны глядеть туда — в море!..

Это было и решение всего броненосца!..

Иные из команды добавляли:

— Мы, ведь, только на море сила!

И все, насторожившись, ждали эскадры.

Что-то скажет она?

КОШМАРНАЯ НОЧЬ.

Решительных революционных действий ни с берега, ни с моря не было, а события не ждали.

И не дремали враги, присмиревшие было под грозными орудиями „Потемкина“.

Они оправились, пользуясь каждым часом, стягивали в Одессу войска и готовили провокацию, за нею погром.

А пока на берегу, в порту Одессы, кипела революционная жизнь.

Потемкинцы решили для агитации использовать смерть своего товарища Вакуленчука, убитого офицером в момент восстания.

И вот на утро, после прибытия в Одессу, они переносят труп его на берег, в импровизированную палатку, покрывают тело военным флагом, ставят почетный караул.

А на грудь убитого кладут потемкинцы ими составленное воззвание к гражданам - одесситам.

В нем простым, безхитростным языком рассказывают они, как и за что убил матроса Григория Вакуленчука старший офицер „Потемкина" и кончают:

— Отомстим кровожадным вампирам!

— Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам! Да здравствует свобода!..

Быстро меняющаяся, многотысячная пестрая толпа заливает берег и окружает труп Вакуленчука.

Один из толпы читает воззвание, волнуясь, с дрожью в голосе. Все стоят, обнажив головы, у многих на глазах слезы, кой-где звучат рыданья.

Выступают с горячими речами матросы „Потемкина".

— Мы выступили на защиту бедноты! Не различаем национальностей, вероисповедания! Всем одинаковые права!

И в ответ несется:

— Спасите нас от кровопийцы — царя! Долой войну! Долой царя! Да здравствует свобода, равенство и братство!

Кипит и бурлит берег.

А „Потемкин" все также молчаливо грозно высится под красным стягом на рейде.

На следующее утро решили потемкинцы торжественно похоронить в Одессе убитого Вакуленчука, устроить демонстрацию.

Вот пройдет ночь...

Но к ночи 15 июня развязали руки темные силы.

Союз полицейских и военщины, стремясь вбить клин в назревающее общее восстание „с моря и суши“, отвлечь внимание пролетариата от борьбы, терроризовать его, задумал погром.

Понемногу стягивают в Одессу войска, по городу размещают пушки, пулеметы, а с наступлением вечера пробуют устроить еврейский погром.

Погром срывается—не дают рабочие.

Тогда все действия переносятся в порт, где еще лежит ненавистный труп Вакуленчука.

Там же высятся грандиозные склады с богатым запасом всякого рода товаров—мануфактуры, драгоценностей и... вина, водки.

Туда же одесские опричники командируют матерых провокаторов; а те, обращаясь к разношерстной толпе, откровенно зовут к погрому, грабежу.

— Вы голы, вы голодны, товарищи,— кричат они пестрой толпе, в которой не мало босяков-любителей легкой наживы,—так грабьте!

И показывают на склады.

Помогает водка—ею подпоили „распорядители“ погрома босяков, и толпа уже у складов: летят запоры, трещат двери—начинается разгром прежде всего винных складов, а за ними и остальных.

За босяками, набросившимися на вино, лавиной стремятся „пограбить“ обыватели, тащат все, что можно.

Пытаются остановить его забастовщики-рабочие, но где же тут!..

Морем разливаются водка, дорогие вина... Пьет, пьянеет и дичает тысячная толпа погромщиков...

К довершению ужаса вспыхивает пожар... Горят склады. И гибнут в огне, сгорают заживо обезумевшие, беспорядочно мечущиеся люди.

Им нет спасенья—они все обречены на гибель и те, кто боролся с погромом, кто бежал от грабежа. Вырываясь из огненного кольца, они бегут в город, карабкаются по набережной вверх, но... их встречают залпы оцепивших пожарище, весь порт солдат и казаков.

Гибнут рабочие, не успевшие прорваться сквозь завесу огня и свинца.

Страшную, кошмарную ночь пережила Одесса, особенно ее пролетариат.

А разбойники-провокаторы могли быть довольны итогами этой ночи: более 2000 убитых, заживо сгоревших.

А „Потемкин“?

С его бортов в оцепенении наблюдали эту невероятную картину, бросали лучи прожектора на пылающий, стонущий, расстреливаемый берег.

И были бессильны помочь ему... И что могли они сделать?

Стрелять по набережной и на ряду с опившимися и заживо сгоревшими босяками перебить попавших в военное „оцепление“ рабочих?

Нет, на это революционный броненосец не пошел.

Вопрос—бомбардировать ли порт, был поставлен в судовой Комиссии.

И решен отрицательно.

ВРАГИ.

И на утро следующего дня, когда еще догорал пожар в порту, продолжали одесские погромщики свои славные деяния.

В то время, как на пепелище набережной прибежавшие из города люди с проклятием и плачем отыскивали трупы близких-убитых и сгоревших, на них налетел взвод казаков.

И снова началось избиение, снова залпы и жертвы.

А в городе опричнина мобилизует силы: Одесса об'явлена на военном положении, на площадях расположились бивуаком войска.

Рабочие понесли тяжелые потери—до 600 человек погибло в порту.

Их хватали, забирали в полицейские участки и жестоко избивали.

Кровавая ночь сделала свое дело.

На „Потемкине“ решено было прежде всего свезти арестованных офицеров на берег.

Перед этим Афанасий Матюшенко обратился к ним с речью и от имени команды предложил он тем, кто желает присоединиться к восставшим морякам, остаться на броненосце:

— Вместе с нами бороться за святое дело освобождения всего народа!

Отозвалось трое: два офицера, Калюжный и Коваленко, и доктор Галенко, оказавшийся потом предателем.

Предстояли похороны Вакуленчука. Теперь, когда город был об'явлен на военном положении и наводнен войсками, трудно было ожидать согласия начальствующих Одессы на демонстративные похороны убитого матроса.

Но, сверх ожидания, власти разрешили похоронное шествие к кладбищу с участием делегатов „Потемкина", но только не вооруженных.

При этом дана была торжественно „гарантия неприкосновенности личности делегатов".

Напрасно поверили потемкинцы этой „гарантии".

Мирно, в глубоком траурном молчании шла по улицам Одессы между шпалерами войск процессия с прахом матроса Вакуленчука.

В шествии участвовало до 600 рабочих, впереди 12 делегатов „Потемкина".

По пути процессия росла и на кладбище собралось уже 3000 человек.

Дорогой полиция пыталась было „разогнать" провожавших гроб и разобщить их от делегатов-матросов, но это не удалось.

Короткие, но ясные речи двух прозвучали над могилой Вакуленчука:

— Будем бороться... До победного конца!

Подняли головы одесситы - рабочие, горько задумавшиеся после кошмарной ночи, и шумно приветствовали возвращавшихся с кладбища матросов.

Но их ждала засада.

Не успели потемкинцы безоружные дойти до пристани, как в спины им раздался залп.

Бросились врассыпную. Ловили и арестовывали.

Из 12-ти делегатов на броненосец вернулись лишь девять.

Так сдержали свое „слово" одесские начальники.

Этого не могли выдержать боевики „Потемкина" и решили ответить бомбардировкой Одессы.

Правда, во время горячих прений, предшествовавших решению, выявилась было „оппозиция" группы умеренных, протестовавших против бомбардировки города.

Здесь сказалось влияние кучки сверхсрочно служащих кондукторов броненосца, именуемых „шкурами".

В начале арестованные, они были допущены исполнять свое дело.

Но неожиданная оппозиция была мгновенно сломлена напоенной огнем борьбы и негодования речью снова выступившего вперед Матюшенки.

Он говорил о том, что все матросы готовы скорее умереть чем... „покорно качаться в петлях от рук кровопийц-палачей“.

И кончил словами:

— Если вы не согласны с нами, если считаете нас преступниками, возьмите сейчас же винтовки и перебейте нас, как собак!.. После этого можете со славой вернуться к своему прежнему начальству. Вас наградят, вас встретят с музыкой, с почетом.

— Нет! Нет!— загремела в ответ Матюшенке команда.

— Все вместе умрем за одно дело!

— Если так,— подхватил Матюшенко,—начнем сейчас же бомбардировать город. Отплатим за рабочих озверевшим тиранам.

Бомбардировка была решена.

В предупреждение населения Одессы сначала было дано три холостых выстрела.

Затем два боевых.

Но оба снаряда, направленные—один в дом командующего войсками, другой в театр, где стоял военный лагерь, не попали в цель.

Дали перелет.

Много позже выяснилось, что это—зародыш предательства старых служак.

Огорчены были перелетом снарядов потемкинцы и бомбардировку прекратили до точной разведки.

Но и неудачные выстрелы поселили панику в войсках и подняли настроение рабочих. Решили продолжать забастовку.

Дав военно-полицейской Одессе предупреждение двумя 6-дюймовыми снарядами, потемкинцы повели через депутатов переговоры с командующим войсками.

Потребовали: разоружения войск, прекращения расстрелов и избиений, освобождения всех политических.

Кто знает, если бы немного раньше...

Но теперь удался погром, прибыли свежие, не зараженные пропагандой войска.

И генерал-командующий об'явил через ад'ютанта:

— Никаких переговоров с мятежниками вести не желаю.

Возмущенные ответом держиморды с золотыми погонами, вернулись делегаты на броненосец, рассказали...

Но революционной команде было не до того: перехватили по беспроволочному телеграфу долгожданное известие:

— Эскадра неподалеку... Идет... Одессу...

„ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ!"

Этими словами кончалось то воззвание потемкинцев, что лежало на груди Вакуленчука.

И „Потемкин" взял их своим девизом в предстоящей борьбе.

Без колебания решила семисотенная команда итти, чтобы ни сулил рок, навстречу эскадре.

Один „Потемкин“ против всей Черноморской эскадры!

Быстро совещается судовый комитет и решает: Итти навстречу в полной боевой готовности. Огня по эскадре не открывать, пока не откроет она первая. В этом случае—вступить в решительный бой.

Ни в каком случае не сдаваться, в крайности—взорваться.

Решение комитета принято единодушно.

Кипит команда, царит стальная дисциплина—готовятся к смертному бою.

Слушает красный броненосец и исполняет точно.

— Зарядить все орудия. Артиллеристам ложиться спать у орудия, не раздеваясь на ночь. Также всем. Горизонт всю ночь освещать боевым прожектором. Миноносец № 267 выслать вперед для охраны.

Точно к празднику готовятся матросы: переодеваются в светлую летнюю одежду.

Иные обмениваются адресами далеко оставшихся родных, друзей... Прощаются, целуясь.

Кто знает—кого унесет бой?...

Настало утро 17 июня... Вот там на горизонте силуэты эскадры.

Впились в подзорные трубы и различают: 3 броненосца,—один под флагом контр-адмирала—минный крейсер и 6 миноносцев.

„Потемкин“ снялся уже с якоря и полным ходом летит навстречу эскадре.

Что это?

С адмиральского корабля „Три Святителя“ по беспроволочному телеграфу краткое увещание:

— Золотые черноморцы! Удручены вашим поступком. Чего вы хотите, безумцы?

Замедлив на минуту ход, „Потемкин“ отвечает:

— Хотите знать, чего мы хотим, приезжайте на „Потемкин“.

Ответа нет, и красный броненосец снова—полный ход вперед.

А эскадра, дрогнув, поворачивается вспять и уходит.

Лишь дымки видны.

Ободренный крылатой верой в себя, возвращается „Потемкин“ на Одесский рейд.

Но не надолго.

Не проходит и часа, как снова силуэты эскадры.

Теперь она в усиленном составе—еще два броненосца, минные крейсера...

Теперь против одного „Потемкина“ пять броненосцев, несколько крейсеров и шесть миноносцев.

Не увидали только потемкинцы среди судов эскадры броненосца „Екатерина II“.

Как узнали потом, начальство не решалось взять в поход броненосец, больше всех зараженный социал-демократической пропагандой, даже печатающий у себя революционные прокламации...

Близится к „Потемкину“ усиленная флотилия.

Рокочет боевая тревога на „Потемкине“ и, мощно рассекая волны, снова он стремительно идет на встречу эскадре.

Все готово для боя и на лицах матросов готовность: бороться и умереть в бою.

В две колонны перестраивается эскадра и надвигается на „Потемкина“.

Видно, хотят атаковать его с обеих сторон.

Но никто и ничто не сможет остановить теперь мятежника с гордо развевающимся в выси красным флагом; идет он вперед и врезывается в средину безмолвной эскадры, наводя пушки на оба фронта.

Неистовствуют офицеры на эскадре, возмущаются от этой дерзости и дважды приказывают с адмиральского корабля „Ростислава“:

— Стать немедленно на якорь.

Но получают ответ сигналами:

— „Ростиславу“ и „Трем Святителям“ застопорить машины. Иначе буду стрелять“.

Остановились два броненосца справа и слева, а за ними вся эскадра.

Вот равняется с „Ростиславом“, где все замерло в ожидании, броненосец-революционер.

Наружу рвется пламя восстания и с верхней палубы „Потемкина“ в упор адмиральскому кораблю гремит:

— „Ур-р-ра-а!“

— „Да здравствует свобода!“

И великое совершается: с трех броненосцев, уставивших пушки на режущего воды „Потемкина“, несется в ответ могучее „ура!“.

И это „ура“ решает исход встречи: один против всех победил.

Рушится дисциплина, пропадает страх перед начальством и гремит „ура!“ „Ура!“ перекатывается с корабля на корабль по всей эскадре.

Не между врагов, а между друзей, между союзников проходит „Потемкин“.

Безмолвен командующий эскадрой: его не слушают.

Не зная, что делать, он сигналами приказывает броненосцу „12 Апостолов“ зайти в тыл „Потемкину“, приготовить мины, пушки и потопить его.

„Потемкин“ прочел сигналы, наводит орудия на „12 Апостолов“ и требует, чтобы броненосец остановился.

Есть!

Больше того, — команда „12 Апостолов“ выбрасывает в море главные части минных аппаратов и пушек — и броненосец лишен боеспособности.

Ликующий „Потемкин“ проходит сквозь строй, оставляя эскадру позади себя, у Одессы, снова возвращается, снова врезывается в эскадру и снова встречает его пылкое „ура“ броненосцев, шествующих „в боевом порядке“.

Но настоящий порядок, грозная дисциплина, видимо, нарушается, в эскадре замешательство, колебание.

„Синопу“ с „Потемкина“ сигнализирует Матюшенко:

— „Присоединяйтесь!“ — и броненосец пытается выйти из строя.

Сильный броненосец „Георгий Победоносец“ решительно выходит из колонны и идет к „Потемкину“.

Судорожные переговоры — сигнализация адмиральского броненосца с „Георгием“:

— Что это значит? Почему „Георгий Победоносец“ не по боевому?

— Команда решила свести офицеров на берег и присоединиться к „Потемкину“.

— Употребить все силы, чтобы следовать за эскадрой.

В ответ категорическое:

— Не могу. „Георгий Победоносец“ вблизи „Потемкина“, с бортов и палуб которого гремят восторженные приветствия.

Нет гарантии в „верности“ и остальных судов эскадры.

И по сигналу с флагманского корабля вся эскадра уходит в море и скоро исчезает на горизонте.

Бежит она от первого революционного броненосца, не сделав ни одного выстрела...

— Без единого выстрела... удрали! — острят по адресу начальника потемкинцы.

Неудержимое ликование идет на броненосце, у них прибыло уверенности, отваги.

Еще бы!

Не только победа, но и новый союзник — „Георгий Победоносец“.

Кроме этого — миноносец № 267 и госпитальное судно „Веха“.

Целая флотилия...

ПОД УКЛОН.

Это был самый счастливый день в 11-дневном странствовании „Потемкина“ по Черному морю.

Самая высокая революционная волна, на гребне которой поднимался „Потемкин“, встревоживший царскую Россию и изумивший весь мир.

Но союзником „Георгий“ — мы сейчас узнаем это — оказался недолго. „Потемкин“ снова остался один. Не было безумно смелого, постигшего „искусство революции“, капитана; не было,—что еще важней,— твердого руководства партии и прочной связи с берегом, с бастующим пролетариатом, и это предрешило дальнейшую судьбу „Потемкина“.

С следующего же после присоединения „Георгия Победоносца“ дня восстание пошло под уклон.

Начало положила неожиданная измена нового союзника.

Это случилось 18 июня.

Еще вчера, в памятный на всю жизнь день встречи с эскадрой, „Георгий Победоносец“ был, казалось, весь на стороне „Потемкина“.

Под красным флагом подошел он к старшему собрату.

Восторженно приняты были на борту „Георгия“ депутаты „Потемкина“ — соц.-демократ т. Кирилл и Матюшенко.

Громкими приветствиями отвечали георгиевцы на их сильные речи, особенно на призыв Кирилла.

— Не быть слепыми палачами самих себя, итти в ряды восставших за права и свободу трудящихся.

Тут же арестовали всех офицеров „Георгия Победоносца“ и свезли их в камеры — сам Матюшенко провожал их с револьвером в руках — на берег.

Выбрали на „Георгие“ свое начальство, и завоеванный революционный броненосец прошел мимо „Потемкина“, отдав ему, как старшему, честь по военным правилам, и стал вблизи „Потемкина“ на якорь.

Весь остальной день безудержно ликовали потемкинцы.

Лилась над морем песня, звучал бурный смех, горели вызовом глаза...

Но не хватало потемкинцам опытного вождя, и никто не сказал им, что, даже победив, нужно быть настороже и не оставлять ни у себя, ни на „Георгие“ скрытых контр-революционеров — старых служак-кондукторов.

Один из них на „Георгие Победоносце“ пошел даже в командиры броненосца.

И „шкуры“-кондуктора, служаки сверх срока, сроднившиеся с подлым режимом царского флота, мордобойством и сыском, плели в закоулках свою паутину.

И в то время, как на заседании судового комитета в кают-компании „Потемкина“ принимались решения — продолжать борьбу, захватить Одессу, а там завладеть и другими городами побережья Черного моря, провозгласить южную республику, — в это время большинство команды „Георгия Победоносца“, под влиянием шкурника командира и других шептунов-кондукторов, решило... итти в Севастополь для „переговоров“ с начальниками.

Весть о назревающей измене встревожила потемкинцев.

Сейчас же на „Георгия“ отправились делегаты судового комитета инж. Коваленко и т. Кирилл и обратились к команде с громким убеждением не изменять великому общему делу.

И в первый момент смута была поколеблена.

— Не пойдем в Севастополь!

— Не бросим „Потемкина“! — неслось со всех сторон.

Но слово взял оставшийся на „Потемкине“ высоко образованный интеллигент — доктор Галенко и стал убеждать идти с повинной в Севастополь.

Советовал даже потемкинцам.

Разгорелся спор, опять зашаталась команда „Георгия“; депутаты „Потемкина“ вернулись на броненосец, не добившись твердого решения и не решившись арестовать кондукторов и с ними доктора Галенко.

Последнего оставили на „Георгие Победоносце“. А через несколько часов с „Потемкина“ увидели, что вчерашний союзник снимается с якоря и уходит в море.

Сигналы — остаться на месте — не действовали.

„Потемкин“ поднял боевой флаг и направил орудия на изменивший броненосец.

Еще минута — и „Георгий Победоносец“ был бы расстрелян 12 дюймовыми пушками „Потемкина“.

Но он повернул назад и пошел к „Потемкину“.

Там успокоились, пробили отбой, спустили грозный боевой флаг.

Но что же это,— в следующую минуту „Георгий“, пройдя мимо „Потемкина“, круто повернувшись к берегу, влетел в порт и сел на мель.

Он вторично изменил, но теперь „под сенью двуглавого орла“.

И к Георгию „Победоносцу“ спешат со всех сторон казенные катера, шлюпки.

А потемкинцы, потрясенные изменой сильного эскадренного броненосца, теряются.

Летят разные предложения:

— Забрать „Георгия Победоносца“.

— Арестовать там всех подлецов и изменников.

— Пустить „Георгия“ ко дну.

Но сквозь эти грозные восклицания слышались и другие голоса; они раздавались втихомолку и раньше:

— В Румынию идем.

Это значило уйти подальше от Одессы, где горели еще огни борьбы рабочих, высаживаться на берег и... покончить с восстанием.

Нашептывали это в темных уголках выпущенные из-под ареста кондуктора, с изменой „Георгия“ приободрившиеся... Теперь подхватили этот „добрый совет“ наиболее трусливые, растерявшиеся:

— В Румынию! Там запасемся углем, пресной водой, провизией! Отдохнем!

Отдыхать желали все 700 человек команды: четыре дня, ведь, уже провели они в страшном напряжении.

А измена „Георгия Победоносца“ больно ударила, понизила настроение.

И вся масса матросов подхватила:

— В Румынию! В Румынию!

Под уклон пошло восстание на „Потемкине“.

Даже всегда оказывавшийся на боевых постах, крепкий, решительный Матюшенко поддался общему „отливу“ и со всеми кричал: „в Румынию“.

А когда тов. Кирилл пошел наперерез всем и сказал Матюшенко, что нельзя уходить:

— На нашей совести 600 рабочих, погибших в порту,

Матюшенко огрызнулся:

— А вы что — трусите? Так мы вас на берег высадим!

В общей сумятице, без согласия судового комитета, снялся „Потемкин“ с якоря и поплыл к неведомым берегам Румынии.

КОРАБЛЬ-СКИТАЛЕЦ.

„Корабль-скиталец русской революции“ — так назвал „Потемкина Таврического“ Вацлав Воровский, приветствуя революционный броненосец, „рожденный смелой мыслью и страстной жаждой свободы“.

До времени поднявший знамя восстания, одинокий, не связавшийся с берегом, оторвавшийся от обвеянной огнем революции эскадры, 11 дней с момента восстания носился „Потемкин“ по волнам Черного моря.

Не суждено было ему стать во главе революционной эскадры и победить, но и он не был побежден.

И корабль скитался, осененный красным флагом, отрезанный от друзей, преследуемый врагами. 11 дней держал в страхе и трепете всю царскую Россию и Николая-последыша, клянчившего в припадке паники помощи даже у турецкого султана. Заронил искры и зажег огни революции „Потемкин“ во всем, до того молчавшем, царском флоте.

И всю Европу, весь „цивилизованный мир“ оповестил корабль-скиталец о том, что моряки—

не опора больше царскому трону, что сочтены дни подлого хищника — друглавого орла самодержавия.

Нелегко жилось потемкинцам в походе: падали от усталости у беспрерывно клокочущих, раскаленных котлов машинисты и кочегары, многие из команды не спали по трое и больше суток, уйдя из Одессы питались водой и сухарями.

Но оживились матросы по пути в Румынию на морском просторе, и не погас еще боевой дух „Потемкина“.

Составили потемкинцы и сами отпечатали в печатне броненосца два воззвания: „Ко всему цивилизованному миру“ и „Ко всем европейским державам“.

Огнем горели слова этих воззваний, взбудораживших весь мир.

Вот что говорила „честным и трудящимся гражданам всех стран и всех народов“ подписавшаяся под воззваниями-прокламациями команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический“ и миноносца № 267.

„Граждане! Перед вашими глазами происходит грандиозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный, порабощенный народ не вынес векового гнета и своеволия деспотического самодержавия.

Разорение, нищета и бескровие переполнили чашу терпения трудящихся масс.

Царское правительство решило „лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу“...

Но забыло обезумевшее правительство одно, что темная, забитая армия — орудие его кровавых замашек—есть те же сыны трудящихся масс, которые рвутся к свободе“.

„И,—пророчески звучат эти слова воззвания,— армия рано или поздно поймет это и сбросит, наконец, с себя позорное пятно палачей своих же отцов и братьев“.

„А мы, — говорит всему миру команда „Потемкина“, — мы решительно и единодушно делаем этот первый и великий шаг“.

Да, великий был этот шаг—первое вооруженное восстание во флоте—великий пример. И через 12 лет исполнилась заветная мечта потемкинцев—рухнуло самодержавие.

И всюду моряки с девизом „Потемкина“ в том же воззвании—„Смерть или свобода“—были на передовых позициях.

20-го июня, на седьмой день восстания, вошел „Потемкин“ в воды Румынии и бросил якорь у портового города Констанца.

—Дайте нам,—обратился судовой Комитет к румынским властям,—необходимое для плавания и жизни броненосца. За все будет уплачено.

Но потемкинцы пристали к берегам королевской Румынии.

И получили ответ министра-президента:

— К сожалению... международные отношения не позволяют удовлетворить просьбу о снабжении „Потемкина“.

А взамен этого, не желают ли потемкинцы сдать красный броненосец береговым властям, разоружиться, высадиться на румынской территории и отправляться, куда хотят.

Обещают матросов царскому правительству не выдавать—полная свобода.

Но жива еще была революционная душа у корабля-скитальца.

И хотя три дня голодали потемкинцы, единогласно решили:

— Не сдаваться румынским властям, снова итти в российские воды и продолжать начатое дело.

Но как продолжать его, когда замирает жизнь на броненосце, отрезанном от всего мира: на исходе уголь для топки котлов, нет пресной воды для них, остается без провизии команда в 700 с лишним человек.

Хорошо бы—эта мысль была еще в Одессе—двинуться к берегам Кавказа, в Батум, где, по слухам, идет рабочая забастовка.

Но замирает биение сердца могучего броненосца-революционера, — надо оживить его...

И решают итти к берегам Крыма, в Феодосию,— там добыть угля, пресной воды, провизии.

А за „Потемкиным“ уже охотились. В Констанце удалось узнать потемкинцам, что по морю

рыщет миноносец с командой из офицеров; задача его—взорвать „Потемкина“.

Двухдневный переход—и вот „Потемкин“ на рейде у Феодосии.

Плавание красавца-броненосца с развевающимся над грозной батареей пушек красным флагом производит сильное впечатление.

Депутация матросов отправляется в город для переговоров с властями, а на берегу, усеянном любопытными—среди них рабочие и солдаты—идут митинги.

Ораторы—те же потемкинцы, выясняющие цель восстания и призывающие всех к борьбе:

— За народную свободу, за народную власть!

Полиция бессильна—агитация потемкинцев заражает берег.

Даже увечные, изможденные инвалиды—жертвы русско-японской войны—загораются огнем протеста.

Они тоже на берегу, они, искалеченные в Порт-Артуре, слышат, как матрос вольного броненосца клеймит царизм и преступную бойню на Дальнем Востоке, и не выдерживают.

На колени перед агитирующими потемкинцами бросился один из инвалидов и кричит:

— Братцы, я к вам! „Они“ взяли у меня все... Калека я и жить мне не к чему... Скажите мне, братцы, одно слово, и я своим костылем перебью головы всем им, мерзавцам... Вместе будем бить наших тиранов и умирать.

— Приезжайте к нам! —отвечают взволнованные потемкинцы.—Будем мы ходить за вами и кормить вас, как своих братьев.

Возвращаются депутаты „Потемкина“ из города на броненосец вместе с представителями городского управления и там, на заседании судового комитета, ставят феодосийским заправилам требования:

— В течение 24 часов доставить на броненосец уголь и провизию. В противном случае город будет подвергнут бомбардировке.

Недолго совещаются „отцы города“ и решают удовлетворить требование потемкинцев и просить военные власти не вмешиваться в это дело— как бы не было хуже.

Но военщина не намерена уступать.

И в то время, как на броненосец уже подвозят из города всякого рода провизию, военные власти приказывают, под страхом ареста ослушников, доставку провианта, угля и пресной воды прекратить.

Это большой удар по „Потемкину“. Возмущен пролетариат Феодосии.

Прорывает толпа рабочих цепь солдат, охранявших берег от „преступной пропаганды“ революционеров матросов; вновь на берегу потемкинцы, вновь братаются с рабочими, и льются их смелые, зажигающие сердца речи:

— Мы выступили под знаменем Российской социал-демократической партии и будем сражаться

до последней капли крови! Кто за народ, пусть пойдет с нами.

— Ура! — гремят в ответ фабричные и портовые рабочие.

Пробует полиция арестовать одного оратора— рабочего, но товарищи бросаются к полицейскому участку и отбивают его.

А золотопогонники ощерили клыки против броненосца под красным флагом и продолжают блокаду „Потемкина“.

Остается об'явить ультиматум:

— Завтра, 23-го, бомбардируем город. Жителям предлагается до 10 часов утра уйти в безопасные места.

В городе, среди буржуазии, невероятная паника: сломя голову бегут с узлами „ценного“ в горы.

Бешеные деньги платят за проезд с пожитками до ближайшей станции.

А военщина, ожидая высадки потемкинцев на берег, устраивает там с раннего утра засаду.

И когда группа потемкинцев в ранний утренний час под'езжает к порту на катере, чтобы овладеть баркасом с драгоценным для броненосца углем, и поднимается на баркас, раздается залп из засады.

Шесть человек остаются на месте—убитые и раненые. Захвачен делегат с.-д. партии т. Фельдман.

Двое раненых на миноносце, сопровождавшем катер.

С трудом спасаются плывущие к броненосцу под градом пуль потемкинцы.

Между ними Матюшенко.

На „Потемкине“ буря негодования, крики мести и... полная растерянность.

Одни за бомбардировку Феодосии, другие против: „Нет плана города“...

Но, главное, нет уверенности, нет твердой власти.

И все сильнее голоса, и все больше их за отступление:

— Нет нам ни откуда поддержки!

— Сниматься с якоря.

— В Одессе изменил „Георгий“, здесь расстреливают солдаты.

И снова сотни голосов:

— В Румынию! В Румынию!

Спускается ночь, и „Потемкин“, теперь мрачно молчаливый, снимается с якоря и выходит в море.

А темные тучи сгущаются: сейчас за уходом „Потемкина“ в Феодосии появляется контр-миноносец с офицерами — охранять порт.

В Севастополе, куда прибыла после встречи с „Потемкиным“ эскадра, на всех судах идет жестокая чистка, аресты, отдача под суд.

Вспыхивает — увы, на короткий срок—восстание на учебном судне „Прут“. Команда его, сбросив начальника, идет в Одессу на подмогу „Потемкину“, но опаздывает—не застает его там.

Настает перелом, раздумье... „Прут“ идет в Севастополь поднимать на восстание эскадру; его арестовывают.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС.

Да, то был последний рейс восставшего броненосца.

Не было об этом уговора, никто не произносил этого слова, но мыслили и чувствовали каждый на „Потемкине", от командира до кочегара, что это его последний рейс.

Не было надежд, не было поддержки, последние силы иссякли.

Снова в Румынию — в Констанцу.

Оживали в родной стихии, на море, матросы: прояснялись лица, сглаживались морщины, крепче звучала речь, вспыхивал порой смех.

Но нельзя было забыть, что предстоит сдача броненосца, ставшего родным, что бегут последние часы вольной волюшки.

И затихал революционный броненосец, обрывался смех, замирала песня.

По пути в Констанцу, когда уже близок был чужеземный порт, похоронили потемкинцы в море высившееся над „казенным" Андреевским флагом революционное красное знамя. Молча спустили его с флагштока, в последний раз взглянули на четкие надписи „Свобода, равенство и братство" на одной стороне и „Да здравствует народное правление" на другой — и погрузили в холодные волны моря.

И, думается, не один матрос-боевик смахнул, отвернувшись, набежавшую слезу.

Но вот и Констанца.

С'ехала депутация „Потемкина“ на берег, и начались переговоры с магнатами румынского правительства об условиях сдачи.

Они были те же: „Потемкина“ команда сдает в распоряжение береговых властей, матросы без вооружения высаживаются на берег, с гарантией неприкосновенности личности, и, при содействии румынского правительства, уезжают куда пожелают.

Переговоры с румынскими властями вела особая комиссия с неизменным Афанасием Матюшенко во главе.

И особенно тревожился он насчет одного пункта „сдачи“ и крепко выговаривал его, чтобы ни один из высадившихся на берег потемкинцев не был выдан царскому правительству.

Румыны дали им твердое обещание, хотя правительство Николая Кровавого усердно хлопотало по телеграфу из Питера о выдаче ему „преступников“.

Для тогдашней Румынии — она еще не чуяла Красного Октября и победы русского пролетариата — это было неприличным.

Только-что начались переговоры о сдаче „Потемкина“, в час свирепого шторма, к броненосцу подплыл на утлой лодке и поднялся на борт его, прорвавшись сквозь сторожевую цепь румынских жандармов и дважды рискуя своей жизнью, Х. Г. Раковский, теперешний полпред СССР в Англии, тогда румынский военный врач.

Он слышал и знал о „Потемкине“ по первому его приезду в Румынию и рвался всей душой связаться с моряками-революционерами, чтобы принять участие в их борьбе.

И теперь, достигнув „Потемкина“, тов. Раковский решил выполнить задуманное — звать броненосец к берегам Кавказа, об‘ятого волнением, в Батум, где шла всеобщая забастовка, в Грузию, охваченную крестьянским восстанием.

Об этом призыве говорила только-что полученная тов. Раковским из-за границы, из Женевы, от центрального органа социал-демократической партии телеграмма.

А там, ведь, работал, чутко прислушиваясь к первым, срывающимся шагам первой русской революции, В. И. Ленин...

С готовностью революционера-боевика высказать как можно скорее приказ центрального комитета поднялся Х. Г. Раковский на борт „Потемкина“. Приветствуемый военморами, вошел в революционный военный совет броненосца, участвовал в заседании его и...

Дадим здесь слово самому тов. Раковскому, поведавшему однажды о тогдашних своих впечатлениях:

„...я увидел, что эти 50 человек — революционное ядро „Потемкина“ — оно уже было без сил и участвовало несознательно или полусознательно под руководством кондукторов, не хотевших продолжать борьбу.

Броненосец дошел до последних пределов физического истощения (было много больных)... и я с тяжелым чувством поражения вместе с матросами покинул этот броненосец, который тогда представлял грозную силу"...

А каковы были эти силы — об этом сказал тот же тов. Раковский.

Перед „Потемкиным", этим одиноким кораблем-скитальцем „...дрожал весь берег не только русский, но и румынский и турецкий. Турецкий султан Абдул-Гамид по телеграфу справлялся о судьбе броненосца, потому что, если бы он, этот броненосец, вместо того, чтобы сдаться румынским властям или пойти в Россию, отправился бы к турецким берегам, он своими пушками мог бы разгромить дворец Абдул-Гамида".

А перетрусивший, как всегда, не на шутку Николай Романов молил в это время своего брата по профессии — кровавого султана расстрелять „Потемкина", когда он покажется в турецких водах.

Поистине грозой пронесся революционный броненосец по волнам Черного моря.

С тяжелым чувством от сознания невыполненной задачи покидал Раковский ожидающего сдачи „Потемкина, но великое утешение находил в неоспоримом:

„... революционная роль „Потемкина" заключалась в том, чтобы доказать всему миру, что последний оплот русского царизма — армия начала тоже переходить на сторону революции".

С еще более, чем у Раковского, тяжелым чувством расставались с „своим“ „Потемкиным“ — 11-ти дневной республикой на море — матросы.

Покидая осиротевший броненосец, высаживаясь на берег, они не раз обращались к нему лицом, посылая „Потемкину“ уже под румынским флагом прощальный поклон, последнее „прости“...

Без исключения все они, около 700 человек, решили эмигрировать.

На „Потемкине“, предназначенном Румынией к сдаче царскому правительству, осталась лишь ничтожная группа, главным образом из „шкур“-кондукторов и малосознательных „раскаявшихся“.

Здесь-то вот т. Раковский оказал большую услугу потемкинцам — революционерам.

Воспользовавшись своими связями и положением в Констанце, он всю свою энергию направил на то, чтобы облегчить переброску потемкинцев на границу и ускорить от‘езд их из Констанцы.

Зловещие признаки: в порту и в городе появились так называемые „гороховые пальто“ — русские, да, вероятно, и „международные“ шпионы.

Их задача была понятна: под благовидным предлогом „задержать“ наиболее выдающихся участников восстания и потом выдать их Николаю Кровавому.

Но это не удалось.

Румынское правительство, узнав, куда какая группа потемкинцев желает выехать, заготовило ряд поездов.

И с первым же из них тов. Раковский поспешил отправить из Констанца авангард революционного „Потемкина“ — Матюшенко, делегата с.-д. партии т. Кирилла, Коваленко и других.

Еще одно большое дело, и не только для потемкинцев, сделал тогда тов. Раковский.

Судовой комитет „Потемкина“, отпечатав в типографии броненосца по пути в Румынию два упомянутых раньше воззвания, оповещавших весь мир о восстании и цели его, передал в Констанце оба воззвания представителям румынского правительства, начальствующим лицам, в главные города „европейских держав“, в редакции наиболее распространенных заграничных газет.

Те обещали распространить воззвания „Ко всему цивилизованному миру“ и „Ко всем европейским державам“ и... положили их под сукно.

Это тоже, вероятно, предписывали „правила международных отношений“...

Но, узнав об этом, тов. Раковский через родственных ему по взглядам румынских офицеров достал оба воззвания и по телеграфу передал текст их в Париж, в редакцию газеты „Юманитэ“, которую редактировал тогда депутат-социалист Жорес, убитый в 1914 году „патриотами“ за пропаганду против надвигающейся войны.

„Юманитэ“ напечатало воззвания „Потемкина“ и они облетели весь мир и всколыхнули пролетериат всех стран.

Этим мы обязаны тов. Раковскому.

И по всему миру разлетелись потемкинцы, унося с собой ненависть к царизму и неистребимую любовь к свободе.

Почетным стало имя „потемкинца“ среди сознательного, пробуждающегося пролетариата тех стран, куда эмигрировали 700 борцов революционного броненосца.

И великим примером стало первое вооруженное восстание в русском флоте, вызвав отклики — восстания моряков в Кронштадте, Либаве, Ревеле, Владивостоке, в Балтийском, Сибирском и Финском экипажах.

Так шло из года в год с памятного 14-го — 27-го июня 1905 г.

И пусть эти вспышки — могучее эхо „Потемкина“ — эти непрекращающиеся революции на море стоили дорого, страшно дорого для российского пролетариата: 149 смертных казней, 5607 приговоренных к каторге, военной тюрьме, крепости, — эти жертвы сторицей вознаграждались в славный 17-й год.

Судьба „Потемкина“?

Ее можно было предугадать.

Недолго стоял броненосец в бухте Констанцы.

Скоро явилась сюда малая эскадра с адмиралом и после обмена любезностями с румынскими властями, передавшими адмиралу „Потемкина“ с 68 „верноподанными“ служаками и „раскаявшимися“, „крамольный“ броненосец был на буксире торжественно увезен в Севастополь.

А там суд над кучкой людей, отдавшихся на милость морских волков.

И хоть нельзя было сомневаться в благонадежности всех этих „шкур“ — кондукторов, машинистов и боцманов, сеявших измену и предательство на „Потемкине“, хотя и очевидно было малодушие и ничтожество нескольких, принесших покаяние, все же первоначальный приговор военно-морского суда „скораго и милостиваго“ дал возвратившимся 3 смертных казни „через повешение“, а остальным каторжные работы сроком до 20 лет, исправительные арестантские отделения, военная плавучая тюрьма.

Впрочем, затем трем „смертникам“ была оказана царская милость на основании октябрьского высочайшего манифеста — замена повешения... 15 годами каторжных работ.

Хороший урок для явившихся с повинной...

Хоть на этих-то „преступниках“, в большинстве старавшихся разложить команду и погасить восстание, сорвало злобу царское правительство.

Броненосец перекрасили в новую краску и переименовали в „Святителя Пантелеймона“.

Вероятно, и окропили святой водой...

Но не надолго.

Через 12 лет снова поднялся над первым революционным броненосцем красный флаг и „Временное“ — очень недолговременное „Правительство“ дало ему название „Борец за свободу“.

Теперь „Потемкин Таврический“ — нам дороже всех это имя — изработавшийся, замолкший как видавший виды ветеран революции, стоит на покое, в Севастополе.

Революция возвратила потемкинцев в свободную Россию.

Но один из них вернулся в Россию задолго до революции, когда не видно было и проблеска зари свободы.

Вернулся, чтобы снова бороться — и погиб.

Но о нем надо сказать,—это был Матюшенко.

— Как подумаю, что делается в России, как подумаю, что, может быть, можно поправить ошибку „Потемкина“, — так нет мне покоя... Не могу я быть счастливым. И вот... еду теперь в Россию.

— Да вы с ума сошли! Ведь, вам ехать в Россию все равно, что самому себе набрасывать петлю на шею!

— Все равно, но я не могу! Все равно я не живу! А там человека нужно.

Этот разговор происходил в 1907 году за границей, в Львове, между Матюшенко и его новым товарищем—анархистом Хотькевичем, уговарившим вожака потемкинцев не итти на верную гибель.

В эти годы отгорели огни первой русской революции, свирепствовала в России реакция, удушил ростки свободы столыпинский галстук.

Но нельзя было отговорить от безумного шага жившего заветами революционного „Потемкина“ — Афанасия Матюшенко.

Не мог он спокойно жить за границей, ждать вдали от России счастливого дня, рассвета.

И всей душой рвался туда, к вновь порабощенным... на борьбу, на подвиг, на гибель.

Там, на „Потемкине“, живя одной душой с матросской массой, он был всегда на аванпостах застрельщиком, „славным героем“, как называл его один из товарищей.

И даже в Констанце, чуть ли не накануне сдачи „Потемкина“ румынским властям, звал товарищей матросов бороться до конца, умереть в борьбе.

Эта мысль не оставила крестьянина села Дергачи Матюшенко и за рубежом.

— Я из‘ездил весь мир,—рассказывает он о себе, — был в Париже, в Лондоне, в Америке, но не мог нигде найти себе покоя.

В Нью-Иорке, в Лондоне Матюшенко, кончив работу на заводе, стремился в шумные клубы, таверны, харчевни и, как может, ведет агитацию среди рабочих, бедноты, произносит горячие речи.

Не слушает советов друзей потемкинцев — быть осторожней, рискует попасть под особое наблюдение шпиков, провокаторов.

Но это не удовлетворяет его.

— Туда, в рабскую все еще Россию, к родным братьям морским!

Что будет делать он там?

Пропагандировать, будить заснувших!

И... совершить террористический акт, — убить тех палачей, которые расстреливали и вешали матросов-революционеров.

Куда же ты едешь?

— В Николаев, в Севастополь, в приморские города — отвечает Матюшенко.

И вот он в Николаеве.

Попадает в когти предателя. Арестуют.

Везут под усиленной охраной на миноносце в Севастополь, а там конец мог быть только один: суд и смертная казнь.

Не расстрел, — это своего рода послабление, — а виселица.

Ликуют, сооружая ее, палачи морского ведомства—наконец-то попался настоящий „преступник“ с „Потемкина“.

Сам пришел.

А он... Мужественно, твердо, „удивительно спокойно“, — говорит один из биографов Матюшенко, — „держал он себя в ночь казни во дворе Севастопольской морской тюрьмы.

Спокойно, не дрогнув ни одним мускулом, выслушал он смертный приговор, чтение которого длилось больше часа.

Подошел поп с распятием, но он слегка оттолкнул его и твердым шагом пошел к освещенной фонарем виселице.

Едва поспевал за ним палач в красной рубашке“.

Сам вице-адмирал Вирен, присутствовавший со своей свитой на казни, выбил из-под ног Матюшенко скамейку.

Через минуту его не стало.

Даже мертвых борцов боятся палачи: с землей сравнять приказано было могилу Матюшенко на далекой площади Севастополя.

И целый кавалерийский полк проехал на плацу по могиле.

Но не удалось черноморским опричникам закопать в могилу и сравнять с землей имя Матюшенко.

А вице-адмирал Вирен, радостно помогавший палачу повесить „славного героя“ Матюшенко, получил должное: вспыхнула революция, и он, тогда свирепствовавший в Кронштадте, был расстрелян ненавидевшими его матросами.

КАК ОТКЛИКНУЛСЯ НА ВОССТАНИЕ ИЛЬИЧ?

И словом и делом.

Отделенный от России громадным пространством — в Женеве жил в это время В. И. Ленин — с зоркостью орла разглядел он всю важность и великое значение первого восстания во флоте.

И 11 дней „Потемкина“, пусть и не кончившиеся победой черноморских матросов, надолго приковали к себе внимание Ильича; они подвинули его на решительные действия и вызвали ту

глубоко-проникающую, широкую оценку событиям, которую мог дать только чуткий, гениальный рулевой корабля российской революции.

Следя в Женеве по газетам за всеми этапами странствия „корабля-скитальца", тов. Ленин осветил дело потемкинцев тремя замечательными статьями в издававшемся за границей партийном журнале „Пролетарий".

Нельзя своими словами пересказать эти статьи. Их название: „Революционная армия, революционное правительство", „Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана", „Революция учит". Здесь дорого каждое слово, каждая, сверкающая острой мыслью и пламенеющая огнем любви и ненавистью, фраза.

Он придает большое значение восстанию на „Потемкине", совпавшему с Одесскими баррикадами.

Ведь, здесь „впервые крупная часть военной силы царизма, целый броненосец перешел на сторону революции".

Отмечает В. И. Ленин бессилие царского правительства, пославшего боевую эскадру захватить мятежный броненосец.

„Ничто не помогло"...

„И, в конце концов, правительство Николая Последнего „осталось без флота" и, разослав по всей Европе приказ — потопить „Потемкина", окончательно опозорило себя".

„А „Потемкин“, какова бы ни была его судьба“,— говорит т. Ленин,—„все же остался непобежденной территорией революций“.

И никакие „победы“ царских палачей не уничтожат великого значения этого события.

С присущей Владимиру Ильичу ядовитостью и силой клеймит и вышучивает он Николая II и его правительство, решившихся просить у Румынии и Турции помощи в борьбе с „Потемкиным“.

— Посмотрите,— говорит тов. Ленин,— заграничная печать не находит слов, чтобы достаточно отметить тот позор, до которого довело себя самодержавное правительство.

Еще бы: оно умоляло румынского короля и турецкого султана рассматривать потемкинцев, как уголовных преступников, а броненосец расстрелять, потопить.

Царю нельзя уже опереться на русские военные силы... его правительство, как свидетельствует о том заграничная буржуазная печать, унизилось до того, что „умоляет турецкого султана и румынского короля выполнить ту полицейскую работу, которую оно само выполнить уже не в состоянии“.

Но ошиблась в расчетах зарвавшаяся царская свора: румынское правительство, „хотя,— замечает т. Ленин,— оно и не на страже революции“, не пожелало унижаться до полицейской службы всеми ненавидимому, всеми презираемому царю „всея России“.

Больше того, когда разыскивающий „Потемкина“ миноносец „Сгремительный“, с командой почти целиком из „г. г. офицеров“, прибыл в порт Констанца, чтобы взорвать „Потемкина“, румынское правительство прочло внушительную нотацию русским мародерам в золотых погонах: наблюдать за порядком в румынских водах не дело царских ищеек.

Только одни „неприятности“ получила компания Николая Последнего от иностранных держав по поводу „Потемкина“.

А заслуга его перед революцией для В. И. Ленина несомненна:

„..... Переход „Потемкина“ на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу“.

Беспощадный критик, революционер-практик Ильич не скрывает больших недочетов, минусов восстания, предсказавших его исход.

Он говорит в первой своей статье о необходимости твердого военного руководства массами, чего не доставало и на берегу, в Одессе, и на броненосце.

Далее, соглашается он с указаниями французской газеты на недостаточность организованности революции, признает с грустью, что исход восстания „Потемкина“ — „неудача горькая“, но не находит, чтобы броненосец заслужил упрек в „плохой постановке революционных функций“ и напоминает слова Энгельса:

„Разбитые армии превосходно учатся“.

И, применяя в большей степени это изречение к „революционным армиям“, т. Ленин говорит, что „всякое новое поражение будет поднимать новые и новые армии борцов“.

Мы видели, как сбылось это пророчество в русском флоте после „Потемкина“.

6.700 военморов, павших в борьбе с царской властью,—а сколько оставшихся на посту новых борцов!!!

Великими словами кончает т. Ленин свою статью „Революция учит“:

— „Массе приходится больше всего учиться на собственном опыте, оплачивая тяжелыми жертвами каждый урок“.

Таким он считал урок 9 января 1905 года, такова же и роль Одесского—так называет его здесь В. И.—восстания.

„Пусть тяжел этот урок, но он научит революционный пролетариат „не только бороться, но и побеждать!“

Всей силой своего большого сердца желал т. Ленин победы первому революционному броненосцу.

И раньше, чем взяться за перо, чтобы откликнуться на восстание в Тендровской бухте, он спешит к действию.

Торопил других и сам готов, если понадобится, лететь в Россию, на поле битвы.

Прочтя телеграммы о восстании на „Потемкине“, т. Ленин решает немедленно послать на место действия опытного партийного работника, чтобы руководить восстанием, широко использовать его.

Заграничный Центральный Комитет партии согласен. На юг России едет с полномочиями ЦК эмигрант-партиец Васильев-Южин *).

Подробными инструкциями снабжает его Ильич.

Опасаясь, что партийные люди в Одессе не проявят быстрых, решительных действий, т. Ленин предлагает: с „Потемкина“ немедленно высадить десант, призвать матросов к решительным действиям, до бомбардировки правительственных учреждений включительно...

Рекомендует захватить город, вооружить рабочих, связаться с окрестными крестьянами, ведя агитацию о захвате помещичьих земель, и об‘единиться в общую боевую армию с матросами и рабочими.

— Как можно больше внимания крестьянам!— настаивал при этом В. И. Ленин.

И развивал дальнейший план борьбы: сделать все для того, чтобы все остальные корабли эскадры примкнули к „Потемкину“, и тогда весь флот вести на решительную борьбу.

---

*) Теперь член коллегии Верховного Суда в Москве.

Вслучае, если это удастся, Ильич, ждавший многого от такого поворота дела, требовал, чтобы за ним немедленно послали миноносец.

Он сейчас же выедет в Румынию, оттуда маршем в Россию.

И когда тов. Васильев-Южин спросил Владимира Ильича, считает ли он возможным присоединение эскадры, то услышал ответ:

— Разумеется, считаю возможным. Нужно лишь действовать решительно и быстро.

Одинаково с Ильичем думающий т. Васильев направился в Россию...

План т. Ленина он дополнил проектом: в случае неудачи с захватом Одессы итти с революционным „Потемкиным“ к берегам Кавказа, в Батум, где военные гарнизоны, где рабочие и крестьяне-грузины были революционно настроены и помогли бы поднять кавказское побережье.

Но дальность расстояния разрушила все планы: т. Васильев-Южин добрался до Одессы поздно, „Потемкин“, пережив горькую измену „Георгия Победоносца“, уже ушел к берегам Румынии.

С грустью пришлось тов. Васильеву шифром известить Ильича, что возложенное на него дело он выполнить не может.

И намеченный т. Лениным широкий план—претворить одиночное восстание „Потемкина“ в революцонный пожар юга России—остался неосуществленным.

Но мы знаем, что это не обескуражило, не привело ни на минуту в уныние т. Ленина, умевшего как никто, исторически оценивать события.

И не поколебало его стальную веру в грядущую победу революции, революции трудящихся, в которой восстание „Потемкина“ по праву считается одним из великих звеньев.

И не даром умевший смотреть через головы поколений т. Ленин назвал июньскую революцию 1905 г. на Черном море предтечей Красного Октября.

И не даром в двадцатилетие первой русской революции вся пролетарская советская Россия, а с нею борющийся пролетариат всего мира вспомнили славные 11 дней „Потемкина“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 22 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА

„НОВАЯ МОСКВА“

Кузнецкий М., д. 1. Телефон 2-08-96.

